

Лякидэ Ананий Гаврилович

В океане звезд
Астрономическая одиссея

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84-4
А64

А64 **Ананий Гаврилович Л.**
В океане звезд: Астрономическая одиссея / Лякидэ Ананий Гаврилович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 144 с.
ISBN 978-5-519-94505-9

ISBN 978-5-519-94505-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

— Ну вотъ! Я такъ и думалъ, что это вы! Представьте себѣ, я васъ уже нѣсколько разъ видѣлъ прежде проходящимъ мимо меня и пытливо смотрящимъ на мою обсерваторію!.. Кромѣ того, я давно уже знакомъ съ вашею статьею «О лунѣ», такъ какъ состою подписчикомъ журнала «Сѣверъ»... Думаю: «Непремѣнно это долженъ быть *онъ*: не даромъ-же всякій разъ такъ внимательно смотреть на обсерваторію, когда идетъ мимо!» И догадки мои блестящимъ образомъ подтвердились! Очень, очень радъ узнать васъ поближе!

— Я также не менѣе радъ!— искренно отвѣтилъ я. Мнѣ сразу понравился этотъ странный человѣкъ, оказавшійся потомъ превосходнѣйшимъ изъ людей.

Черезъ подъемный мостъ мы вошли сперва на крыльцо дачи (она въ самомъ дѣлѣ окружена была рвомъ съ водою, какъ какой-нибудь старинный замокъ), а потомъ, черезъ прихожую, проникли въ кабинетъ хозяина. Комнаты были просты, то-есть въ современномъ вкусѣ, и только своими узкими, длинными и остроконечными окнами напоминали старину; отдѣланы-же и убраны были такъ, какъ комнаты во всякой дачѣ, то-есть прилично и комфортабельно; никакой роскоши, ничего изысканнаго нигдѣ не замѣчалось. Хозяйскій кабинетъ былъ просторенъ и глядѣлъ двумя окнами во дворъ и однимъ въ садъ; мебель его была мягкая, удобная; но большой письменный столъ не былъ заваленъ ни книгами, ни разными бумагами, какъ это можно видѣть въ каждомъ кабинетѣ, а тѣ и другія чинно покоились на полкахъ, непосредственно придѣланныхъ къ стѣнамъ. Одинъ только шкафъ замѣчался въ заднемъ углу,— гардеробный, какъ потомъ оказалось.

Но наружность самого хозяина была замѣчательнѣе всего: слыша о немъ рассказы до этого случая и не выдавъ его ни разу, я представлялъ его себѣ старымъ чудакомъ съ самой некрасивой, отталкивающей наружностью, нелюдимымъ и скупцомъ (рассказывавшіе о немъ также никогда не видали его); и вдругъ оказалось, что передо мною не старый и безобразный субъектъ, опустившійся физически и нравственно, одичавшій въ своемъ вѣчномъ одиночествѣ, а, напротивъ, красивый и статный мужчина лѣтъ 40, высокаго роста, умѣренной полноты, съ черными выющимися волосами, образовавшими только самую незначительную лысинку на макушкѣ, съ такою-же черною окладистою бородою, содержимою въ отмѣнномъ порядкѣ, съ большими темными глазами, съ бѣлымъ и румянымъ лицомъ, почти юношески свѣжимъ, съ артистически сложенными руками, и одѣтый прилично, къ лицу, даже щеголевато!.. Взглядъ, улыбка и голосъ дополняли остальное и дѣлали его въ высшей степени симпатичнымъ, сразу располагающимъ къ себѣ человѣкомъ.

Когда мы сѣли въ спокойныя кресла у письменнаго стола онъ мнѣ сказалъ:

— Да, я читалъ вашу статью «О лунѣ»: она недурна, читается съ интересомъ... Но въ такомъ изданіи, какъ «Сѣверъ», нельзя обстоятельно трактовать о подобныхъ предметахъ,— мѣста слишкомъ мало... Отчего вы не пишете дальше въ этомъ родѣ?..

— То-есть о другихъ планетахъ?— спросилъ я...

— Да... Напримѣръ о Марсѣ, о Венерѣ, о Меркуріи и такъ далѣе?..

— Откровенно говоря, — отвѣтилъ я — источниковъ не имѣю подъ руками...

— А хотѣли-бы имѣть ихъ?..

— Отчего-же нѣтъ?.. Въ особенности если-бы можно было достать безъ большой потери времени и... денегъ!

— Хорошо! Мнѣ кажется, что я могу доставить вамъ эти источники... Я самъ любитель того, что называютъ «популярной астрономіей», почему и обращаю всегда вниманіе на статьи въ родѣ вашей... Кромѣ того, у меня существуетъ нѣкоторая рукопись, которая можетъ быть полезнаю вамъ... Вотъ она! Авторъ этой рукописи — я. Тутъ всякія

свѣдѣнія о планетахъ, почерпнутыя мною изъ разныхъ источниковъ въ разное время, и также кое-какія собственныя мои соображенія... Я бы ее напечаталъ, но чувствую, что языкъ ея весьма неискусенъ,— я вообще не владѣю даромъ литературнаго изложенія; вы же, какъ видно изъ вашей статьи, можете писать вполне литературно; и такъ, возьмите мое писанье и сообщите ему красивую, привлекательную внѣшность, то-есть, проще сказать,— воспользуйтесь имъ, какъ матеріаломъ... Исправлять мой слогъ или языкъ была бы слишкомъ тяжелая работа; гораздо же легче и практичнѣе прочесть эту рукопись и, на основанніи свѣдѣній, заключенныхъ въ ней, написать свою статью, которой можно придать какую угодно форму... Можно даже и покороче изложить, чѣмъ это вышло у меня... И такъ, возьмите!

Онъ подаль мнѣ довольно толстую рукопись, форматомъ въ листъ писчей бумаги, хотя, впрочемъ, почеркъ ея былъ крупный и разгонистый. Частыя пометки, встрѣчаемыя на каждой страницѣ, говорили о тяжелой и упорной борьбѣ, которую велъ авторъ съ недавшимся ему «вполне литературнымъ» языкомъ...

Я взялъ рукопись...

— Благодарю васъ!— сказалъ я.— Это для меня цѣнное приобрѣтеніе! Но мнѣ совѣстно воспользоваться чужимъ трудомъ, и потому я не иначе соглашаюсь взять вашу рукопись, какъ съ тѣмъ, что заработанный за будущую статью мою гонораръ мы раздѣлимъ съ вами пополамъ...

— Пожалуйста безъ, этого!— возразилъ онъ.— Впрочемъ, я нахожу, что рѣчь объ этомъ теперь еще преждевременна. Сперва напишите вашу будущую статью и напечатайте ее,— это самое главное...

— Вы правы,— согласился я.— *Написать* и *напечатать* — это прежде всего; въ противномъ случаѣ, я рискую говорить о шкурѣ неубитаго еще медвѣдя, что, по малой мѣрѣ смѣшно. А вы давно занимаетесь астрономіей?..

— Давно: лѣтъ 15 будетъ... Это моя страсть! Хотите посмотрѣть мою обсерваторію?..

— Съ удовольствіемъ! Признаться, я даже хотѣлъ просить васъ объ этомъ!

— И превосходно! Пойдемте!

И мы поднялись на самую высокую башню дачи, равнявшуюся, по своей высотѣ, семиэтажному дому. Это была довольно просторная шестиугольная площадь, окруженная зубчатою стѣною, или оградой, въ пол-роста человѣка. Въ самомъ центрѣ ея была утверждена огромная полуторасаженная зрительная труба,— настоящій телескопъ, и разставлены вокругъ скамейки и стулья. Немного поодаль — рабочий столъ, простой подѣлки и некрашенный, заваленный, въ противоположность кабинетному, книгами, бумагами и принадлежностями письма, и защищенный отъ непогоды огромнымъ зонтомъ, прочно воткнутымъ въ его средину. Къ палкѣ зонта была прикрѣплена небольшая керосиновая лампа,— доказательство того, что хозяинъ нерѣдко и пишетъ или читаетъ, при свѣтѣ огня, на своей обсерваторіи.

Я обошолъ кругомъ стѣны, любуясь океаномъ всякой растительности, разстилавшейся внизу; впрочемъ, многія деревья парка равнялись высотой своей обсерваторіи, а нѣкоторыя даже превосходили ее. Все это окутано было ночнымъ мракомъ, сообщавшимъ какую-то таинственную прелесть всей этой темной, неопредѣленной по цвѣту своему и громадной массѣ... Но не одинъ лѣсъ или паркъ виденъ былъ подъ нами: въ южную сторону, за «Садовою улицей» (то-есть, правильнѣе говоря,— аллеей), шли поля, приводившія къ возвышенной мѣстности, на вершинѣ которой господствуетъ «Бельведеръ», извѣстный всему Петергофу... Общее названіе этой мѣстности, какъ я уже

упомянулъ, «Бабій гонъ»: въ крѣпостныя времена, вѣроятно, туда *гоняли бабъ* на работы, откуда и получило начало такое названіе...

— Недурные виды, не правда-ли?.. — прервалъ мое обозрѣніе мѣстности хозяинъ...

— Ведиколѣпно! — отвѣтилъ я.

— Днемъ еще лучше! — продолжалъ онъ. — Но не угодно-ли вамъ будетъ посмотрѣть въ мой инструментъ?

И онъ подвелъ меня къ своей огромной трубѣ и усадилъ, какъ слѣдуетъ, на скамейкѣ... И вотъ, благодаря этому необыкновенному человѣку, я, почти въ первый разъ толково и на полной свободѣ познакомился съ тѣми сіяющими точками, въ несколько разъ увеличенными, которыя мы привыкли называть звѣздами... Зрѣлище, по-истинѣ, поражающее и рѣшительно не поддающееся никакимъ описаніямъ! Надо самому, невидавшему ничего подобнаго, заглянуть въ этотъ инструментъ, называемый телескопомъ, — и только тогда онъ пойметъ, что это за зрѣлище!..

Мы поочередно и подолгу разсматривали эти небесныя виды, дѣлясь впечатлѣніями другъ съ другомъ. Занималась уже заря, когда мы возвратились внизъ, въ хозяйскій кабинетъ, усталые и въ высшей степени довольные всѣмъ, что видѣли и о чемъ съ живѣйшимъ интересомъ бесѣдовали... Не знаю почему, но я медлилъ уходить отъ моею славнаго, милаго и интереснаго собесѣдника, хотя давно уже слѣдовало вернуться домой и лечь въ постель... Но когда я взялъ наконецъ шляпу, онъ неожиданно остановилъ меня:

— Нѣтъ, повремените еще немного! — сказалъ онъ. — Вы не все еще видѣли у меня... Загляните въ мою мастерскую!..

И онъ открылъ боковую дверь изъ кабинета, сдѣлавъ знакъ рукою, чтобы я вошелъ въ нее... Я вошелъ и очутился въ просторной комнатѣ въ два окна, освѣщенной съ потолка большою рабочей лампой съ широкимъ абажуромъ. Въ ней были обычные столярныя инструменты, дерево, годное для подѣлокъ, и куча стружекъ, — все, что мы привыкли видѣть у каждаго столярнаго мастера; но среди всѣхъ этихъ предметовъ глаза мои вдругъ поразило нѣчто такое, чего я до тѣхъ поръ никогда и нигдѣ не видѣлъ, чего даже и представить себѣ не могъ...

III.

На полу стоялъ шестиугольный ящикъ, не равносторонній, а удлиненный и оканчивающійся съ двухъ противоположныхъ сторонъ острыми углами. Въ очертаніяхъ своихъ онъ представлялся въ видѣ фигуры <==>. На ящикѣ было устроено мягкое сидѣнье со спинкой, напоминающее кресло, а передъ нимъ стояла желѣзная палка съ ручкой, соединенная, какъ потомъ оказалось, со скрытымъ внутри ящика механизмомъ: этотъ послѣдній, различными поворотами палки, то приводился въ движеніе, въ усиленное или въ умѣренное, то совсѣмъ останавливался, — смотря по надобности. Къ двумъ другимъ сторонамъ этой невиданной машины, то-есть — справа и слѣва отъ сидѣнья, были прикрѣплены громадныя крылья, для которыхъ, конечно, и былъ придуманъ весь внутренній механизмъ... Съ крыльями изображенная мною шестиугольная фигура представлялась чѣмъ-то въ родѣ птицы, способности летать которой съ давнихъ поръ такъ завидуютъ люди.

— Что это?.. — спросилъ я въ крайнемъ изумленіи.

— Это *птица*, то-есть — летательная машина... Посмотрите на крылья: не правда-ли, очень просто придуманы?.. Тонкіе желѣзные прутья, обладающіе нѣкоторою гибкостью, и между ними кожа, и только... А между тѣмъ — дѣйствуютъ отлично!

— Неужели поднимаютъ?— изумился я снова.

— Какъ-же! Иначе-бы и смысла въ нихъ не было! Пойдемте съ *нею* на дворъ, и я вамъ покажу опытъ.

Онъ взялъ «птицу» за ремень, катя ее за собою на маленькихъ колесцахъ, и мы вышли на средину двора... Оказалось, что крылья такъ-же свободно можно было поворачивать въ разныя стороны, какъ и крылья живой птицы, то есть складывать и раскладывать и даже прижимать одно къ другому!.. Поставивъ машину на-земь, онъ сѣлъ въ ея кресла и повернулъ нѣсколько разъ палку съ ручкой, утвержденную передъ сидѣньемъ... Послышались мѣрные глухіе удары внутри машины, крылья зашевелились, какъ у настоящей птицы, и вдругъ эта деревянная птица стала тихо подниматься вверхъ, унося отъ земли съ собою своего творца!.. Поднявшись на небольшую высоту, приблизительно до крыши дачи, онъ придавъ палкѣ немного наклонное положеніе, и птица полетѣла въ сторону, переставъ подниматься вверхъ; затѣмъ сообщилъ палкѣ то-же положеніе, но въ обратную сторону,— и птица возвратилась на прежнее мѣсто, повернувшись сначала лицевой стороной своей въ зрителю. Наконецъ, онъ повернулъ нѣсколько разъ палку въ противоположную сторону, придавъ ей прежнее вертикальное положеніе,— и машина стала тихо опускаться на землю почти на томъ же мѣстѣ, откуда поднялась вверхъ!.. Черезъ минуту она стояла уже на землѣ, и крылья ея перестали шевелиться, придя въ свое прежнее, хотя распростертое, но неподвижное положеніе... Изобрѣтатель этой изумительной вещи сошелъ съ сидѣнья и, взявъ свою «птицу» снова за ремень, сказалъ:

— Пойдемте въ комнаты! Видѣли?..

— Вы удивительный человѣкъ!— могъ только воскликнуть я.— Неужели вы все это сами сдѣлали?..

— Самъ. Я никому еще до васъ не показывалъ моей птицы, не говорилъ даже никому, что она у меня существуетъ...

Вы первый, кому я нашолъ возможнымъ все это открыть и показать...

— Вы удивительный, удивительный человѣкъ!— еще разъ воскликнуть я въ увлеченіи:— Это поразительно! Это чудесное изобрѣтеніе!..

— Какъ-бы тамъ ни было,— отвѣтилъ онъ совершенно спокойно и съ достоинствомъ,— но по крайней мѣрѣ *можно летать* человѣку, чего я давно добивался, и наконецъ добился-таки... Теперь буду добиваться другого: возможности пробраться, на этомъ снарядѣ, *до луны*...

Эта идея, не менѣ «птицы», поразила меня своей неожиданностью.

— До луны?!— переспросилъ я, подумавъ, что онъ шутить...

— Да... Вѣдь со стороны моей птицы нѣтъ никакого препятствія къ этому: она можетъ летѣть вверхъ или въ сторону, въ какую угодно, до безконечности... Я все это достаточно уже испробовалъ...

— Но послушайте!— воскликнулъ я.— Могутъ быть другія препятствія! Какъ вы, напримѣръ, поднимаясь вверхъ, выйдете или вылетите изъ предѣла притяженія нашей планеты?.. Вѣдь для этого нужно обладать громадной силой, чтобы преодолѣть его!..

— Это вѣрно. И вотъ я и хочу сообщить такую силу моей птицѣ.

— Какъ-же вы это сдѣлаете?

— Усилю ея механизмъ разными приспособленіями.

— Положимъ, что это вамъ удастся сдѣлать,— сказалъ я:— но какъ противостать еще двумъ препятствіямъ: страшному холоду за предѣлами земной атмосферы и отсутствію воздуха?.. Гдѣ взять тепла и чѣмъ дышать?

— Сдѣлаю стеклянную будку на птицѣ и поставлю печку,— это разъ, во вторыхъ — запасусь сгущеннымъ воздухомъ въ особомъ резервуарѣ, который и можно будетъ расходовать по мѣрѣ надобности... Словомъ, все пушу въ ходъ и ни передъ чѣмъ не остановлюсь, только-бы достигнуть цѣли.

— Хорошо! Положимъ, во всемъ этомъ вы добьетесь успѣха, и долетѣвъ до луны, станете на ея почву... Но вдругъ окажется, что тамъ, высадившись на эту планету, придется преодолевать тѣ-же два препятствія, то-есть — недостатокъ тепла и воздуха?

— Объ этомъ я также думалъ и думаю: помните, у Жюль Верна, каучуковые костюмы, въ которые одѣвались капитанъ Немо и его товарищи, прогуливаясь по морскому дну? Ничто мнѣ не помѣшаетъ заказать себѣ такоѣ — же нарядъ и помѣститъ внутри его запасъ тепла и воздуха, которымъ и можно будетъ пользоваться, путешествуя по планетѣ... Я не говорю уже о томъ, что при самой поверхности луны можетъ оказаться достаточное еще для дыханія количество атмосферы и неразлучной съ ней теплоты такъ что каучуковый нарядъ будетъ тогда лишнимъ.

— Но слѣдуетъ имѣть въ виду еще одно обстоятельство, а именно — страшный жаръ и страшный холодъ; вѣдь на лунѣ, во время ея 14-суточного дня, свирѣпствуетъ страшный зной, какъ въ продолженіе такой-же ночи — невыносимый холодъ!..

— И объ этомъ я подумалъ: нарядъ будетъ пропитанъ особеннымъ химическимъ составомъ, не пропускающимъ внутрь жара и холода... Я началъ изучать химію еще раньше астрономіи и механики и покажу вамъ когда-нибудь и химическую лабораторію мою... Она помѣщается у меня отдѣльно, вотъ въ томъ домикѣ.

И онъ подвелъ меня къ одному изъ оконъ своего кабинета, въ который мы вошли снова, и указалъ на маленькій флигелекъ въ углу дачнаго двора, направо отъ воротъ...

Рѣшительно этотъ человѣкъ былъ ни въ чемъ неуязвимъ: все у него было предвидѣно, предугадано, противъ всего неблагопріятнаго имѣлись въ виду дѣйствительныя мѣры!.. Я не могъ болѣе возражать ему, и наша бесѣда перешла опять на тему о его «птицѣ», которая чрезвычайно заняла мое воображеніе, поразивъ его блестящимъ успѣхомъ въ исполненіи своей роли... Я его спросилъ:

— Отчего вы не хотите подѣлиться съ публикой вашимъ прекраснымъ изобрѣтеніемъ?..

— *Рано* еще, — отвѣтилъ онъ — вотъ, когда сдѣлаю визита нашему спутнику, тогда, пожалуй, подѣлюсь съ публикой своимъ открытіемъ...

— И неужели никто изъ сосѣдей, на примѣръ, не подозрѣваетъ о существованіи вашей птицы?..

— Полагаю, что никто... Слыхали-ли вы, до знакомства со мною, чтобы говорили что-нибудь обо мнѣ въ этомъ родѣ?..

— Ничего подобнаго!..

— Ну, стало быть, никто ничего не знаетъ... Дворникъ мой и его жена значить строго сохраняютъ мою тайну, чего я потребовалъ отъ нихъ при поступленіи ко мнѣ на службу...

«Въ противномъ случаѣ вы потеряете свое мѣсто» предупредилъ я ихъ...

— Но какъ вы дѣлали опыты съ вашей «птицей» такъ что никто до сихъ поръ не могъ видѣть ихъ?..

— Я ихъ всегда дѣлалъ въ темныя ночи, и притомъ не дома, а ѣздилъ для этого въ одно глухое мѣсто, недалеко отсюда, въ сосѣднемъ лѣсу: тамъ нѣтъ никакихъ дачъ — лѣсъ однимъ словомъ, совсѣмъ некультурный... Сегодня въ первый разъ я произвелъ опытъ дома, и опытъ, разумѣется, ничтожный, такъ какъ не поднимался даже выше этого дома и

направившись въ сторону, не выходилъ изъ границъ своего двора: я желалъ только познакомить васъ съ моимъ изобрѣтеніемъ...

— И я вамъ много благодаренъ за вашу любезность и довѣріе ко мнѣ, котораго, конечно, никогда не обману!— воскликнулъ я, невольно протягивая ему руку.

Мы совершили самое крѣпкое, вполне искреннее, рукопожатіе.

— Ваши прежніе полеты были, стало быть, далеки?..— снова спросилъ я.

— Такъ себѣ... Не слишкомъ далеки, но достаточны для того, чтобы безошибочно судить о достоинствѣ изобрѣтенія: вверхъ поднимался я болѣе чѣмъ на версту, въ разный стороны направлялся тоже, приблизительно, на это разстояніе... Механизмъ у меня въ родѣ недѣльныхъ часовъ: разъ получивъ толчокъ или «заводъ», онъ безостановочно будетъ дѣйствовать цѣлыя семь сутокъ, то-есть — недѣлю...

— И цѣлую недѣлю ваша «птица», значить, все будетъ летѣть и летѣть въ данномъ ей направленіи, будетъ ли это вверхъ или въ сторону?..

— Безъ всякаго сомнѣнія...

— А не можетъ она вдругъ принять наклонное положеніе въ какую-нибудь сторону и тѣмъ заставить балансировать своего сѣдока?..

— Нѣтъ... Крылья на столько обширны, что не допускаютъ ее до этого: они опираются на такое количество воздуха, котораго болѣе даже, чѣмъ достаточно, для полного равновѣсія всей машины... Во время полета я могу свободно вставать съ кресель и становиться то на переднюю часть ея, то на заднюю, и нигдѣ не замѣчается отъ этого ни малѣйшаго перемѣщенія центра тяжести, то-есть — колебанія...

— Ваша «птица» замѣчательная, въ такомъ случаѣ, вещь!— воскликнулъ я.— Вы второй капитанъ Немо!..

Онъ скромно улыбнулся своею симпатичною, доброю улыбкою и сказалъ:

— И все благодаря *воздуху*, не допускающему нарушенія равновѣсія!.. Воздухъ поэтому, чрезвычайно важная вещь въ обиходѣ человѣческой жизни: имъ не только обязательно дышутъ люди, но его-же они могутъ употреблять и какъ средство для передвиженія съ мѣста на мѣсто; нужно только знать, какъ это дѣлать, а это знаніе даетъ добросовѣстное и строгое изученіе законовъ механики, которые управляютъ нашими движеніями...

Мы долго еще бесѣдовали на эту новую тему, не замѣчая, какъ все виднѣло и виднѣло, и наконецъ наступилъ полный день... Было уже 6 часовъ утра, когда я простился съ этимъ въ высшей степени удивительнымъ человѣкомъ, унося его рукопись въ рукахъ и множество поразительныхъ, неожиданныхъ для меня, мыслей въ головѣ!..

IV.

Придя домой, я легъ въ постель, но долго не могъ уснуть — по понятной причинѣ: воображеніе мое было слишкомъ возбуждено этимъ неожиданнымъ знакомствомъ и полученными отъ него сильными впечатлѣніями!.. Часъ или полтора ворочался я съ боку на бокъ, но наконецъ уснулъ... И мнѣ привидѣлся поразительный и грандіозный сонъ!

Ко мнѣ будто бы, когда я лежалъ въ постели, вошелъ мой «второй капитанъ Немо» и сказалъ: «Охота вамъ спать! Вставайте и пойдемте ко мнѣ! Я долженъ кое-что еще сообщить вамъ: сегодня ночью я отправляюсь на луну и на другія планеты... Хотите сопутствовать мнѣ?..» Я удивился и обрадовался, и въ ту же минуту принялъ это предложеніе... Въ короткое время я собрался, и черезъ четверть часа сидѣлъ уже у «второго капитана Немо», бесѣдуя съ нимъ о нашемъ близкомъ путешествіи на планеты... Оказалось, что у него все уже готово: и стеклянная будка на «птицѣ», и печка, и каучуковые наряды

для насъ двухъ, и даже устроено второе сидѣнье для меня,— и все, все, однимъ словомъ!.. И вотъ, дождавшись ночи, мы выкатили «птицу» на дворъ дачи усѣлись на наши мѣста и пустили въ ходъ машину... И она быстро и плавно помчала насъ къ облакамъ, затѣмъ — въ заоблачныя пространства, и мы въ скоромъ времени потеряли даже изъ виду нашу землю!

Путешествіе наше было такъ удачно, что мы посѣтили будто-бы всѣ извѣстныя намъ по имени планеты и увидѣли на нихъ много поразительныхъ и необычайныхъ картинъ... Отъ этихъ поразительныхъ и необычайныхъ картинъ я не могъ опомниться даже тогда, когда уже проснулся и убѣдился, что все видѣнное мною — не болѣе, какъ сонъ! Но поразительнѣе всего было то, что, когда я прочелъ потомъ рукопись моего новаго знакомаго, то оказалось, что въ ней почти все было то, что я видѣлъ въ моемъ изъ ряду выходящемъ снѣ!..

Не знаю, случалась-ли съ кѣмъ-нибудь подобная вещь: видѣть во снѣ то, что потомъ приходится прочесть въ книгѣ или рукописи, за немногими только исключеніями! Какъ бы ни было, но, продолжая дальше мой разсказъ, предупреждаю читателей, что всѣ дальнѣйшіе факты его излагаю уже не я, а «второй капитанъ Немо»...

ПОСЛАННИКЪ БОГОВЪ.

Астрономы жалуются на Меркурія, что онъ почти невидимъ... что онъ только на самое короткое время показывается имъ — передъ восходомъ и по закатѣ солнца... Что дѣлать! Надо помнить, что онъ посланникъ боговъ, и что боги не даромъ-же снабдили крыльями его на пяткахъ ногъ, конечно — для большей быстроты послѣднихъ! И вотъ благодаря этому обстоятельству, и чтобы еще болѣе угодить богамъ, Меркурій избралъ самую короткую орбиту вокругъ Солнца, которую онъ пробѣгаетъ въ 88 сутокъ... Такимъ образомъ, онъ болѣе чѣмъ въ 4 раза ближе Земли къ Солнцу, такъ какъ Земля совершаетъ свой путь вокругъ царя дня въ 365 сутокъ.

Меркурій очень малъ сравнительно съ Землею: онъ только немногимъ больше Луны, а извѣстно, что Луна почти въ 50 разъ меньше нашей планеты. Въ одномъ только онъ одинаковъ съ Землею,— въ обращеніи вокругъ своей оси: онъ употребляетъ для этого почти то-же количество времени — 24 часа и 50 секундъ (наша планета совершаетъ это обращеніе въ 23 часа, 56 минутъ и 4 секунды). Разница, стало быть, самая ничтожная.

Затѣмъ еще извѣстно, что Меркурій окружонъ атмосферою, и даже очень густою, и что эта атмосфера мѣшаетъ астрономамъ изслѣдовать его поверхность,— она своими облаками скрываетъ планету отъ глазъ любопытныхъ...

И вотъ все, или почти все, что намъ въ состояніи сказать астрономы объ этомъ посланникѣ древнихъ боговъ! А между тѣмъ онъ такъ близокъ къ нашей планетѣ! Не обидно-ли это?..

Но мнѣ кажется, что я обладаю такими данными относительно свойствъ нашего сосѣда, что могу значительно пополнить ими свѣдѣнія, сообщаемыя намъ учеными людьми... И такъ, подѣлюсь этими данными съ моими читателями!

Я такъ вижу ясно Меркурія моими умственными очами, какъ ясно представляю себѣ васъ, читатель мой, кто-бы вы ни были... Матерія тамъ та-же, что и на Землѣ, хотя и чаще встрѣчаются, чѣмъ у насъ, золото, платина и ртуть; воды тѣ-же и пейзажи тѣ-же, — горы, равнины, рѣки, моря и т. д. Но что за *освѣщеніе*! Такого освѣщенія нѣтъ рѣшительно ни на одной планетѣ! И *теплота* тоже исключительная!..

Я былъ тамъ, на этомъ Меркуріи, и видѣлъ поразительныя картины... Это было среди прекраснаго лѣтняго дня. Небо очистилось отъ тяжелыхъ тучъ, удаленныхъ вѣтромъ къ краямъ горизонта, и Солнце заблестало на свободѣ; но Боже, что это за Солнце! Оно въ 10 разъ больше нашего и жжетъ поэтому ужасно! Свѣтитъ такъ, что ослѣпляетъ! Я чуть не сгорѣлъ отъ его непомѣрнаго жара и чуть не ослѣпъ отъ этого необычайнаго свѣта! Я взгляну ль на небо,— и не могъ оторвать глазъ своихъ отъ него: оно было не голубое, какъ у насъ, а золотисто-бѣлое, и бѣлизна эта была сіяющая, нѣжная, приводящая душу въ высокое восхищеніе... Бѣлизна неба съ ея золотистымъ элементомъ покрывала такимъ-же восхитительно-бѣлымъ свѣтомъ весь пейзажъ, среди котораго я находился,— довольно большую долину среди невысокихъ холмовъ и частицу моря въ отдаленіи... Все сіяло бѣлизною, но какою-то особенною: не холодною снѣжною, сухою и прозаическою, а раскаленною, жаркою, страстно-знойною, похожею нѣсколько на сильное электрическое освѣщеніе...

Подъ ногами у меня была густая растительность,— мѣстная трава. Я наклонился и сталъ ее разсматривать... Она состояла изъ толстыхъ стеблей, имѣвшихъ видъ трубокъ, съ пустою внутри и съ пышными лохматыми шишками на поверхности каждой изъ ихъ; высота этихъ трубкообразныхъ стеблей доходила до полуаршина, а цвѣтъ всей травы былъ темносиній, съ сильнымъ преобладаніемъ густо-зеленаго оттѣнка. Холмы были также всѣ въ растительности: на нихъ красовались невысокіе лѣса и рощи, состоявшіе изъ деревьевъ съ темнокрасными стволами и съ такими-же странными листьями, какъ стебли у травы; при этомъ стволы и вѣтви ихъ, чѣмъ ближе были къ почвѣ, тѣмъ все болѣе темнѣли, принимая у самыхъ корней совсѣмъ почти черный цвѣтъ, а въ высоту, наоборотъ, становились краснѣе и краснѣе. И лѣса, и рощи, подобно травѣ, носили тотъ-же темносиній, сіяющій густозеленымъ оттѣнкомъ, нарядъ, что чрезвычайно эффектно контрастировало съ темнокрасными стволами и сучьями у деревьевъ...

Были и цвѣты между травою и подъ деревьями,— звѣздообразные и различной величины; они были красные, зеленые и совсѣмъ почти черные; попадались и синіе, и фіолетовые. Но между ними поразительнѣе всего для меня были, конечно, зеленые и черные, особенно первые, такъ какъ цвѣтовъ зеленыхъ у насъ нѣтъ нигдѣ... Стебли у цвѣтовъ и листья ихъ были, по обыкновенію на этой планетѣ, темносиніе, при чемъ листья были такіе же трубкообразные, какъ у травы, но безъ шишекъ; они просто заканчивались выпуклостью, которая закрывала ихъ пустоту отъ любопытныхъ взоровъ, или, скорѣе отъ множества насѣкомыхъ...

А насѣкомыхъ, дѣйствительно, было много! Но ихъ формы не поразили меня своею неожиданностью: это были тѣ-же мухи, бабочки, стрекозы, жуки, разныя букашки и т. п., которыми изобилуетъ и наша планета, съ немногими только особенностями, бьющими въ глаза только тогда, когда станешь пристально разсматривать ихъ. Они были разныхъ красокъ,— болѣе всего синей и красной. За насѣкомыми, какъ и у насъ, охотились птицы; формы этихъ послѣднихъ напоминали тоже нашихъ птицъ, но меня удивили двѣ особенности ихъ: во-первыхъ, онѣ одноглазые, и, во-вторыхъ, большинство между ними обладало непомѣрно-длинными и тонкими ногами, которыя помогали имъ дѣлать исполинскіе скачки съ мѣста на мѣсто: перескочить съ одного края долины, на которой я стоялъ, на другой, или съ холма на холмъ, было для нихъ также легко, какъ мнѣ сдѣлать большой шагъ; такъ прыгаютъ, въ миніатюрѣ, наши блохи... Другія птицы летали высоко и низко, и я замѣтилъ, что многія изъ нихъ подолгу останавливались на одной точкѣ въ воздухѣ, точно висѣли въ немъ: это объясняется, безъ сомнѣнія, тѣмъ, что вѣсь предметовъ

на Меркуріи въ половину меньше земного вѣса; птицамъ и насѣкомымъ тамъ вдвое легче переноситься по воздуху, чѣмъ у насъ.

Пѣніе птицъ и жужжаніе насѣкомыхъ также разнообразны, какъ и на Землѣ; особенно оригинальныхъ звуковъ мнѣ не довелось подмѣтить. Цвѣтъ птицъ или синій и желтый, или красный и черный, и тѣ изъ нихъ, которыя прыгаютъ или скачутъ, покрыты вмѣсто перьевъ шерстью.

Мнѣ, сыну Земли, было весьма трудно держаться на ногахъ: по законамъ новой планеты, которой сдѣлалъ я визитъ, вѣсъ мой уменьшился на половину, и я чувствовалъ поэтому большую легкость въ движеніяхъ, а въ ногахъ въ особенности; меня такъ и подмывало стремиться куда-нибудь, почти бѣжать, и, съ непривычки къ такому ощущенію, я чуть не падалъ... И вдругъ я увидѣлъ нѣчто особенное: я увидѣлъ недалеко отъ себя подъ деревомъ толпу существъ, съ испугомъ и съ любопытствомъ глядѣвшихъ на меня... Да, это были *они*! Это были *люди*, которыхъ я прежде всего сильно желалъ увидѣть на Меркуріи!..

Но какіе они странные и необычайные, Богъ мой!.. Во-первыхъ — *одноглазые*: одинъ глазъ всего во лбу, въ чрезвычайно выпукломъ, небольшомъ лбу! И хотя этотъ глазъ великъ и красивъ, но *одинъ, одинъ*, что такъ странно, такъ дико!.. Во-вторыхъ, на рукахъ и на ногахъ у нихъ только по *три* пальца, и пальцы эти небольшіе и красивые; средній между ними длиннѣе прочихъ...

Въ-третьихъ — всѣ они небольшого роста, въ родѣ нашихъ 15-лѣтнихъ подростковъ, безъ всякой одежды (кромѣ поясовъ), почти черны какъ наши негры и только дѣти ихъ темно-красныя. Физіономіи ихъ большей частью — некрасивы, лукавы и жестки; волосы тоже черные, короткіе и немного курчавые; бороды маленькія, хотя густыя и немного посвѣтлѣе волосъ на головѣ...

«Такъ вотъ каковы *они*, эти меркуріанцы!» — воскликнулъ я невольно, и въ ту-же минуту устремился къ нимъ... конечно, чтобы поближе познакомиться съ ними...

Но куда! Не тутъ-то было!.. Увидѣвъ, что я спѣшу къ нимъ, они съ дикими криками и воплями бросились въ разсыпную и мгновенно исчезли въ чащѣ своихъ лѣсовъ!..

Мнѣ стало досадно на ихъ животную трусость, и я повелительно крикнулъ, не думая о томъ, что они не могутъ понимать моего языка:

— Да куда вы?.. Постойте!.. вѣдь не звѣрь-же я, чортъ возьми, и не стану ѣсть васъ! Остановитесь!..

Я шелъ такъ легко и быстро, какъ никогда еще на Землѣ не ходилъ; я почти бѣжалъ, не чувствуя ни малѣйшаго усилія въ членахъ... Казалось, ноги мои и въ самомъ дѣлѣ были вооружены крыльями!.. Раза два или три я даже упалъ — отъ непривычки къ такому скорому передвиженію, но, падая, не ощущалъ ни малѣйшей непріятности, ни боли: точно это было не паденіе на почву, а легкое балансированіе при исканіи равновѣсія!.. Я уже дошелъ до лѣса, въ который скрылись эти странныя для меня существа, какъ внезапно все потемнѣло вокругъ и разразилась страшная гроза съ ужаснымъ ливнемъ... Я бросился назадъ къ своей птицѣ, оставленной въ долину, и, добѣжавъ до нея въ какую-нибудь минуту, вошелъ въ ея будку... Глубокая темнота охватила все собою, — можно было подумать, что наступила ночь... А необычайные, потрясающіе удары грома, и непомѣрно-широкія полосы молній по всѣмъ направленіямъ неба усиливали ощущение ужаса въ робкихъ душахъ и заставляли вѣрить, что присутствуешь при адской борьбѣ двухъ какихъ-то живыхъ силъ, враждебныхъ другъ другу!..

И я видѣлъ эти робкія души: ослѣпительный свѣтъ молній поминутно освѣщалъ всѣ окрестности какимъ-то жуткимъ, страннымъ свѣтомъ и, между прочимъ, толпу тѣхъ

самыхъ людей, которые убѣжали отъ меня и которые стояли теперь, на опушкѣ лѣса, колѣнопреклоненные, со сжатыми руками и со своими одиночными глазами, устремленными вверхъ и полными ужаса... До слуха моего долетали даже какіе-то глухіе, сдержанные возгласы: не было сомнѣнія, что эти люди молились, прося пощады у разсвирѣпѣвшихъ стихій!..

Болѣе часу продолжалась эта адская гроза, повергшая и меня въ какое-то безпокойное ощущеніе чего-то недобраго, расходившагося и ничѣмъ не сдерживаемаго въ своей слѣпой, разрушительной дѣятельности... Наконецъ вдругъ, словно по мановенію волшебнаго жезла, молніи съ громомъ прекратились, ливень пересталъ падать цѣлыми потоками и начало быстро свѣтлѣть и свѣтлѣть... Въ десять какихъ-нибудь минутъ день вернулся и снова засіяло Солнце, а съ нимъ распространился по всему пейзажу другой какой-то невиданный мною свѣтъ...

Я вышелъ изъ будки и, оглянувшись назадъ, невольно ахнулъ: половина неба, напротивъ Солнца, и покрытая еще густыми грозowymi тучами, была вся украшена громадной ширины радугами, и эти радуги великолѣпно блестя всевозможными красками въ природѣ, — не семью только цвѣтами, какъ на Землѣ!.. Тутъ были и коричневые цвѣта, и даже черные, и какіе-то сѣро-пепельные, и серебристые, словомъ природа въ этой общей исполинской радугѣ, занявшей собою пол-неба, пустила въ дѣло всѣ имѣющіяся у нея краски съ ихъ всевозможными отгѣнками!..

Зрѣлище было и восхитительное, и какое-то ошеломляющее! И притомъ всѣ предметы кругомъ — трава, лѣса, холмы, кусочекъ моря вдали и все еще стоявшіе на колѣнахъ люди были окрашены этою пестрою амальгамою радужныхъ красокъ и выглядѣли фантастическими, по-истинѣ сказочными предметами!..

II.

Наконецъ, они встали на ноги, эти существа, и принялись о чемъ-то хлопотать, забывъ, кажется, о моемъ не только присутствіи вблизи ихъ, но и о существованіи... Мнѣ чрезвычайно любопытно было узнать, о чемъ это они хлопочутъ, что хотятъ дѣлать... Я вошелъ снова въ будку на птицѣ, оставивъ дверь открытою, и, сѣвъ въ кресло, сталъ наблюдать... Что-же оказалось? Они складывали, у подножія одного изъ холмовъ, костеръ изъ сухихъ древесныхъ сучьевъ!.. Но для чего?.. Для пищи?.. Варить или жарить что-нибудь хотятъ?..

Нѣтъ, тутъ другая цѣль: по всѣмъ признакамъ, это будетъ *жертвоприношеніе*!..

Да, именно это было жертвоприношеніе, какъ потомъ оказалось, но ужасное, кровавое по нашимъ понятіямъ!.. Когда костеръ выросъ до внушительныхъ размѣровъ, вдругъ вышли четыре человѣка изъ лѣса съ горящими сучьями въ рукахъ и, подойдя къ костру, зажгли его одновременно съ четырехъ сторонъ... И когда костеръ вспыхнулъ, охваченный огнемъ, другіе четыре человѣка подвели къ нему *жертву* — одного изъ своихъ братьевъ, связаннаго по рукамъ, и, связавъ ему тутъ же и ноги, мгновенно подхватили его и бросили въ разгорѣвшійся огонь!.. Несчастный издалъ только слабый стонъ!.. И когда огонь затрещалъ сильнѣе отъ новой и лакомой пищи, люди вдругъ снова пали на колѣни, сложивъ руки и устремивъ съ мольбою глаза свои на небо!..

Это было ужасно! Я не могъ выдержать и, выйдя изъ будки, почти побѣжалъ къ нимъ...